

Легкий, как лунный свет на воде, живой, как весенняя ласточка в полете — этот внезапный поцелуй застал Цзи Хэна врасплох, и он на мгновение замер.

Вокруг царили покой и красота: зелень деревьев, лазурное небо, яркое солнце, зеркальная гладь озера и склонившиеся к воде ивы. Такой пейзаж, напоенный ароматами и нежностью, располагал к любовным признаниям и романтическим играм.

Разумеется, это не относилось к евнухам.

Присутствующие словно разом лишились дара речи, остолбенев от увиденного. На фоне общего замешательства Цзи Хэн выглядел почти невозмутимым.

Больше всех сохранял спокойствие Жуи. Не понимая всей серьезности ситуации, он просто по-детски заметил:

— Тянь Ци, ты не туда поцеловала.

Тянь Ци, осознав, какую глупость совершила, похолодела от ужаса. Целовать кого-либо без спроса — поступок более чем легкомысленный, а она только что позволила себе такое по отношению к самому Императору!

Дайте ей хотя бы прийти в себя.

Император, подвергшийся столь дерзкому нападению, не стал сразу же изливать свой гнев. Он отпустил Жуи, выпрямился и устремил на Тянь Ци тяжелый, как осенний омут, взгляд, смысл которого был неясен.

Тянь Ци буквально скатилась с панциря черепахи Дай Саньшаня и, оказавшись на земле, не посмела даже отряхнуться. Она покорно опустилась на колени и дрожащим голосом пролепетала:

— Прошу, пощадите, Ваше Величество...

Как же она мечтала сейчас иметь такой же панцирь, как у черепахи, чтобы спрятаться в нем.

Вслед за Тянь Ци на колени повалились все находившиеся рядом придворные и евнухи. Даже Шэн Аньхуай, порываясь встать на колени, втайне обливался потом, гадая, удастся ли этому мальчишке выйти сухим из воды. Он украдкой взглянул на лицо Императора — и ничего не прочел.

Жуи продолжал сидеть на спине черепахи, переводя взгляд с отца на Тянь Ци. Он совсем не испугался, так как не чувствовал от отца исходящей ярости. Дети воспринимают настроение взрослых интуитивно, и сейчас Жуи казалось, что отец ведет себя странно, но вовсе не злится.

Раз отец не злится, чего же все так бояться?

Жуи недоуменно спросил:

— Отец, тебе не нравится, когда тебя целуют?

Цзи Хэн промолчал. Его пальцы слегка дрогнули. В душе возникло странное зудящее чувство, которое невозможно было унять, и оттого становилось не по себе. Он вновь посмотрел на виновницу переполоха: та, скорчившись на земле, дрожала от страха, опустив голову и не смея даже просить о помиловании.

Страх Тянь Ци начал раздражать Цзи Хэна. Она прислуживала ему уже столько дней, неужели он похож на тирана, готового казнить за случайный поцелуй? К чему этот ужас?

На самом деле Цзи Хэн упустил суть: дело было не в поцелуе как таковом, а в осквернении священной особы. Даже фрейлина, желая привлечь внимание государя, не посмела бы коснуться его без позволения, что уж говорить о евнухе, который так бесцеремонно чмокнул Императора в лицо.

Тянь Ци боялась именно этого обвинения. Хуже всего было то, что вокруг собралось столько свидетелей. Это не тот случай, когда можно было просто стереть следы от ее носа на его одежде. Сейчас, на виду у всех, Император был обязан сохранить достоинство. Разве можно спустить такое с рук? Даже у Шэн Аньхуа не хватило бы веса, чтобы замять подобное, а что уж говорить о ней!

Цзи Хэн наконец понял, в чем дело. Он не хотел наказывать Тянь Ци, но, будучи оскорбленным при всех, был обязан сделать вид, что разгневан, иначе завтра любой слуга возомнит, что может сесть ему на шею.

Но как наказать? Бить палками — ее хрупкое тело не выдержит, а не бить — не проявишь власти. В душе он мучился, но внешне помрачнел и спросил:

— Что ты еще можешь сказать в свое оправдание?

Тянь Ци слишком хорошо знала эту фразу: это был верный признак того, что пора писать завещание!

Она не хотела умирать. Стиснув зубы, она решилась на отчаянный шаг: проползла на коленях вперед, обхватила ногу Цзи Хэна и зарыдала:

— Ваше Величество, пощадите! Слуга не хочет умирать, слуга хочет и дальше верно служить вам!

Жуи, испугавшись такой перемены, тоже заплакал:

— Прошу, отец, не позволяй Тянь Ци умереть!

Слуги, видя, что маленький принц плачет, не могли оставаться в стороне и тоже принялись молить о прощении. Многие из тех, кто был при дворе, считали Тянь Ци правой рукой Императора, поэтому тоже вступились за нее.

Шэн Аньхуай, видя такой оборот, решил подлить масла в огонь:

— Ваше Величество, молю, смените гнев на милость. Тянь Ци совершил оплошность, но сегодня праздник Дуань-ян, все надеются на радость, а кровь — дурная примета. Может, отложим разбирательство до окончания праздника?

Цзи Хэн был в полном недоумении: кто вообще говорил о смертной казни!

Однако сказать об этом вслух он не мог, поэтому просто указал на Тянь Ци и скомандовал евнухам:

— Вы, бросьте его в озеро. Дальше, чем сможете!

Тянь Ци, прислушиваясь, услышала приказ и наконец выдохнула. Бросить в воду — это не страшно, плавать она умела.

Шэн Аньхуай, зная, что Тянь Ци — отличный пловец, поспешил скомандовать остальным.

Тянь Ци решила доиграть спектакль до конца и, продолжая цепляться за ногу Императора, выдавила из себя крокодиловы слезы:

— Прошу, Ваше Величество, пощадите! Впредь я буду осторожнее! Я буду служить вам изо всех сил, чтобы вам было максимально комфортно!

Последняя фраза звучала двусмысленно. Цзи Хэн вновь вспомнил о том случайном поцелуе, лицо его вспыхнуло, и он в ярости крикнул:

— Чего же вы ждете! Бросайте его подальше!

Евнухи не посмели медлить, оторвали Тянь Ци от Императора и с силой забросили в воду.

Из-за мощного толчка Тянь Ци вошла в воду с брызгами высотой в человеческий рост. Она нырнула и побоялась сразу всплывать, но, к счастью, место было глубоким, и она ни обо что не ударилась.

Жуи рыдал навзрыд.

Цзи Хэн хотел взять его на руки, но мальчик, решив идти до конца, отталкивал отца, требуя пустить его спасать Тянь Ци. Цзи Хэн с досадой потер виски:

— Он не утонет.

Жуи не верил. Спустившись на землю, он, никого не подпуская, короткими шажками направился в сторону дворца Цынин — жаловаться Вдовствующей императрице.

Цзи Хэн был в ярости, но уже не имел сил злиться. Он догнал сына, но вдруг резко развернулся и пнул панцирь черепахи:

— И эту проклятую черепаху тоже бросьте в воду!

Шэн Аньхуай долго собирался что-то сказать, но все не находил подходящего момента. Видя, что Цзи Хэн снова бросился за Жуи, он поспешил следом:

— Ваше Величество...

— В чем дело? — Цзи Хэн, отойдя подальше, обернулся к озеру и увидел, что Тянь Ци уже вынырнула. Заметив взгляд Императора, она поспешно ушла под воду.

Цзи Хэн фыркнул и отвернулся, однако рука его невольно потянулась к тому месту на лице, куда пришелся поцелуй. Пальцы нащупали что-то мягкое и песчанистое.

Он посмотрел на ладонь — это была сладкая бобовая паста.

Шэн Аньхуай молча закрыл рот.

Тянь Ци выждала, пока все уйдут, и выбралась на берег. Дай Саньшань плыл рядом, не понимая, что происходит, и, увидев, что она выходит, тоже собрался выбраться.

Тянь Ци похлопала его по панцирю:

— Возвращайся.

Черепаха, словно понимая человеческую речь, подняла голову и медленно поплыла обратно.

Тянь Ци навела справки и узнала, что Император с Жуи отправились во дворец Цынин. Только тогда она осмелилась вернуться во дворец Цяньцин, обсохла, переделалась и, боясь встретить Императора, поспешила прочь, направившись в сторону, противоположную дворцу Цынин.

Так она дошла до Императорского сада.

В саду было шумно: праздник, все вышли погулять. Некоторые наложницы надеялись на случайную встречу с Императором, но вместо него увидели лишь евнуха.

Благодаря Императору, все знали Тянь Ци. Нложницы старались быть с ним обходительны, надеясь, что он замолвит за них словечко перед государем, и осыпали его подарками.

Ощущая тяжесть кошелька, Тянь Ци довольно улыбнулась. Она не ожидала, что у нее появится такой авторитет. Раз дают — надо брать, она ведь ничего не обещала.

Миновав искусственную гору и проходя мимо беседки, она заметила там несколько фрейлин, сопровождавших грациозную женщину в придворном наряде. Тянь Ци сделала вид, что не заметила их, и прибавила шагу.

Однако женщина окликнула ее:

— Господин Тянь, не спешите так. Что за срочные дела? Не бойтесь солнца, как бы не случился солнечный удар.

Голос был мягким и сладким, с ноткой легкой иронии. Тянь Ци пришлось остановиться, развернуться и поклониться:

— Приветствую Вань-пинь... Прошу прощения, я просто хотел поскорее добраться до тени и не заметил вас. Прошу простить мою оплошность.

Вань-пинь прикрыла рот платком, скрывая улыбку:

— У меня нет времени наказывать тебя. В такой праздник всем нелегко. Возьми на чай.

Она кивнула фрейлине, и та протянула Тянь Ци два маленьких золотых слитка. Тянь Ци поблагодарила ее.

Вань-пинь видела Тянь Ци раньше, но впервые заговорила с ним. Сегодня он показался ей не таким проворным, как о нем говорили, и она решила, что этот евнух просто заносчив. В конце концов, последние два месяца Император не посещал ее, а слуги были мастерами пресмыкаться перед сильными и топтать слабых.

Оттого на душе у нее было горько, хотя внешне она продолжала улыбаться, отпустив Тянь Ци.

На самом деле Вань-пинь ошиблась. Тянь Ци не была близорукой и не хотела враждовать даже с забытыми наложницами.

Она просто не любила Вань-пинь, потому что та была двоюродной сестрой Сунь Фаня, а мать Сунь Фаня — родной тетей Вань-пинь. Отец Вань-пинь был мелким чиновником, и вся семья жила за счет клана Сунь. Тянь Ци ненавидела Сунь Фаня, а значит, не питала симпатии и к его

кузине.

Вань-пинь пока не знала, что ее кузен пострадал из-за Тянь Ци, она лишь сжала зубы, мечтая о том дне, когда добьется успеха и растопчет всех, кто смотрел на нее свысока.

Жуи в итоге так и не удалось пожаловаться, потому что отец сказал ему: если он расскажет все Вдовствующей императрице, Тянь Ци будет ждать смерть.

Жуи не знал, верить ли, но боялся. Когда Цзи Хэн насильно принес его во дворец Цынин, мальчик уже рыдал так, что не мог выговорить ни слова, выдавливая их по слогам.

Вдовствующая императрица, испугавшись, прижала его к себе и стала расспрашивать, что случилось.

Цзи Хэн невозмутимо объяснил:

— Тянь Ци упал в воду, Жуи расстроился и вот так плачет.

Каждое слово было правдой, но он ловко убрал из рассказа себя.

Вдовствующая императрица гладила Жуи по спине:

— Наш Жуи такой чуткий ребенок. Но этот слуга такой нерасторопный, как он мог упасть в воду?

Жуи указал пальцем на Цзи Хэна, но, не имея достаточно смелости, лишь слегка согнул указательный палец:

— Отец...

Цзи Хэн прищурился:

— Что я?

— Ты, ты... — Жуи поймал угрожающий взгляд отца и, прижавшись к шее бабушки, прошептал:

— Ты в четыре года все еще... писался в постель...

Цзи Хэн: «...»

Вдовствующая императрица: «...»

Увидев, что лицо отца почернело, Жуи почувствовал облегчение и, обхватив шею бабушки, замолчал.

Вдовствующая императрица смутилась и тихо спросила:

— Разве мы не договаривались никому об этом не рассказывать?

— Матушка... — Цзи Хэн глубоко вздохнул. — Объясняю в последний раз: это не я, это кормилица пролила чай и побоялась вам сказать.

Вдовствующая императрица никогда в это не верила. Она не думала, что четырехлетний ребенок может так четко помнить детали, но ради престижа Императора всегда делала вид, что верит.

Теперь, когда Жуи в порыве чувств выболтал это, она сухо кашлянула, поправила волосы внука, вытерла ему лицо и, посмотрев на Цзи Хэна, невозмутимо сказала:

— Это была просто шутка с ребенком, он воспринял всерьез, а ты? Ты тоже ребенок?

Цзи Хэн замолчал. Даже будучи Сыном Неба, он не мог ничего поделать с родной матерью.

Вдовствующая императрица погладила Жуи по головке и, глядя на его красивое платьице, вздохнула:

— Мой маленький Жуи, как было бы мило, если бы ты был маленькой принцессой... — Она снова тяжело вздохнула. — Не знаю, доживу ли я до того, чтобы увидеть рождение внучки.

Цзи Хэн ответил:

— Праздник же, матушка, к чему такие разговоры.

— Я говорю это ради тебя. Ты уже не молод, а у тебя только Жуи. Что же делать?

Цзи Хэну не нравились такие разговоры, он через силу успокоил мать и поспешил откланяться.

Вернувшись во дворец Цяньцин и поужинав, Цзи Хэн отправился в купальню. В бадье была не просто горячая вода, а отвар из орхидей — в праздник Дуань-ян было принято совершать омовение в «орхидеевой воде».

Цзи Хэн блаженно прищурился, вдыхая аромат пара. Глядя, как суетятся фрейлины, он невольно вспомнил упавшую в воду Тянь Ци и невольно усмехнулся. Стоявшая рядом фрейлина испугалась, рука ее дрогнула, и брызги воды попали Императору на лицо.

Она в панике опустила ведро:

— Прошу прощения, Ваше Величество!

Цзи Хэн, не обращая внимания, вытер лицо:

— Дайте Тянь Ци орхидеевой воды, пусть тоже искупается.

Фрейлина, получив приказ, удалилась. Другая подошла, чтобы долить воды, и замерла в ожидании.

У этой фрейлины была прическа с двумя пучками, похожая на ту, что была у Жуи днем. Цзи Хэн представил сына, наряженного принцессой, затем вспомнил Тянь Ци, и в его голове возникла пугающая мысль.

Как бы выглядела Тянь Ци в женском платье?

Он внимательно посмотрел на фрейлину в светло-розовом платье. Если бы Тянь Ци надела такой наряд, она бы выглядела еще изящнее.

Осознав, что его мысли принимают странный оборот, Цзи Хэн смущенно потер нос.

Тянь Ци, узнав о милости Императора, с радостью приняла ванну и на следующий день как ни в чем не бывало вышла на службу.

После службы, выйдя за пределы дворца, она снова встретила Цзи Чжэна, который поджидал ее у меняльной лавки.

В этот раз Цзи Чжэн пришел не просто погулять, а обсудить дело.

Конечно, прежде чем начать разговор, он сводил Тянь Ци во множество мест: лавки тканей, рестораны, чайные, магазины специй и аптеки.

Тянь Ци закружилась голова:

— Ваше Высочество, что вы хотите купить?

— Все это — владения резиденции князя Нин, — ответил Цзи Чжэн.

Тянь Ци округлила глаза:

— Вы так богаты, Ваше Высочество.

— Что ты. То, что ты видела, — лишь десятая часть. У меня много лавок и поместий, но некому ими управлять.

— Почему?

— Управляющий стар, хочет уйти на покой.

— Так наймите другого.

Цзи Чжэн ждал именно этих слов и искренне посмотрел на Тянь Ци:

— Тянь Ци, ты не хочешь перейти в резиденцию князя Нин?

Тянь Ци указала на себя, не веря своим ушам:

— Я?

Цзи Чжэн решительно кивнул.

— Я не смогу, — она замахала руками. — Я никогда этим не занималась, а если разорю вас?

— Неважно. Если разоришь — это мои убытки, если заработаешь — получишь тридцать процентов.

У Тянь Ци во рту стало кисло от предвкушения, она сглотнула слюну и взволнованно спросила:

— Т-тридцать процентов?

— Да. Если не устраивает, можем обсудить.

— Нет-нет, я не об этом, — Тянь Ци стиснула зубы и снова отказалась. — Я не мастер в этом деле, не возьмусь за такую работу.

Цзи Чжэн выглядел расстроенным:

— Я же сказал, убытки беру на себя. К тому же ты умна, я верю тебе, поэтому и приглашаю. Между нами не должно быть таких формальностей.

Видя его раненый взгляд, Тянь Ци почувствовала неловкость:

— Ваше Высочество, можно спросить, почему именно я?

— Я не могу найти никого другого, кто был бы одновременно способным и надежным.

— Но я служу при дворе...

— Неважно. Мой брат — человек великодушный, он не обеднеет от потери одного-двух слуг.

Оказывается, он уже все продумал. Тянь Ци почесала затылок, собираясь снова отказаться, но Цзи Чжэн приложил палец к ее губам:

— Не спеши с ответом. Я желаю тебе добра. В дворце ты заперта, а у меня в резиденции — свобода. Заработаешь не меньше, а то и больше. И никаких дворцовых интриг, ты же сама знаешь. Честно говоря, я прошу тебя лишь потому, что вижу в тебе родственную душу. Даже если откажешься, подумай хорошенько, отнесись к моему предложению с пониманием, ладно?

Эти слова лишили Тянь Ци дара речи, и она лишь кивнула.

Цзи Чжэн убрал палец. Его кончик быстро скользнул по ее губам, на мгновение задержавшись в уголке рта, после чего он незаметно опустил руку.

Тянь Ци замерла, ничего не заметив.

Цзи Чжэн усмехнулся и пошел рядом с ней, заложив руки за спину. Видя, что она погружена в мысли, он не стал звать ее гулять дальше, а попрощался и отпустил во дворец.

Проводив взглядом Тянь Ци, Цзи Чжэн обернулся и посмотрел на свою правую руку.

Он поднял указательный палец, закрыл глаза и осторожно поцеловал подушечку.

Тянь Ци действительно начала всерьез обдумывать предложение Цзи Чжэна.

На самом деле она никогда не планировала оставаться евнухом навсегда. Попала во дворец по неволе, а потом думала подзаработать денег и уволиться по болезни. Дворцовые интриги были ей не по душе, да и она ведь не настоящий евнух, ей еще нужно успеть пожить в свое удовольствие.

К тому же, как бы тщательно она ни маскировалась, если правда откроется, ей не сносить головы.

Но жадность — штука коварная. Она хотела заработать, и это вошло в привычку. Сейчас у нее было уже около трех тысяч лянов серебра.

Этого хватило бы на всю жизнь, если не транжирить.

Почему бы не уйти, пока есть возможность?

Князь прав: у него она заработает столько же, но без риска для жизни. А если не приживется в резиденции, всегда можно уехать, путешествовать, поселиться в живописном месте, открыть лавчонку и жить в достатке до конца дней.

Чем больше Тянь Ци думала, тем привлекательнее казалось предложение князя. Может... согласиться?

Но не рассердится ли Император? Что его слуга перешел к другому хозяину?

Наверное, нет. Она ведь вечно выводит его из себя, может, он даже с облегчением вздохнет, когда она уйдет?

Хотя... разве она ему неприятна? Если бы он ее ненавидел, стал бы продвигать?

Может, потому что Жуи ее любит?

Возможно...

Тянь Ци сломала голову и решила: она будет ждать, пока князь сам попросит Императора. В конце концов, она всего лишь слуга, а слуг не спрашивают об их желаниях.

Что касается верности и «один слуга не служит двум господам» — Тянь Ци об этом не думала. Евнухам не нужна принципиальность, а она никого не предавала.

Цзи Чжэн, услышав ответ Тянь Ци, пришел в восторг и на следующий день отправился к Цзи Хэну, жалуюсь на нехватку кадров в своей резиденции.

Цзи Хэн насторожился.

Выслушав его, Цзи Чжэн добавил:

— Брат, ты мастер управления людьми, твои слуги в сто раз лучше остальных. Прошу, отдай мне одного-двух, чтобы я не был в таком замешательстве и не позорил тебя.

Цзи Хэн приподнял бровь:

— На кого положил глаз?

— Шэн Аньхуай — человек опытный и надежный.

— Ты смелый.

— Но он привычен тебе, поэтому я не смею на него претендовать. А вот Тянь Ци, что при тебе, тоже неплох. Пусть не такой, как Шэн Аньхуай, но умен и проворлив. Он мне приглянулся, прошу, уважь просьбу.

Так и знал!

Цзи Хэн не понимал, что с ним происходит, но внутри вспыхнула ярость, обжигая горло. Он глубоко вздохнул, пытаясь подавить странное чувство, и холодно усмехнулся:

— Если дело только в слуге, я не пожалею. Ты мой родной брат, бери, что хочешь. Не только Тянь Ци, даже Шэн Аньхуа забирай. Но, А-Чжэн, ты ведь ищешь не того, что говоришь!

— Брат, ты слишком подозрителен, мне даже страшно.

— Слишком подозрителен? Это я был слишком беспечен, позволив тебе стать таким. Тебе просто понравилась внешность Тянь Ци, и ты хочешь забрать его для своих утех! Сделать из него своего любовника — какая дерзость! — Цзи Хэн пришел в еще большую ярость, нахмутив брови.

Цзи Чжэн поспешно опустился на колени:

— Брат, помилуй, у меня нет таких грязных мыслей.

— Нет? Если не хочешь быть с мужчиной, иди и женись, живи как нормальный человек. Завтра я велю прислать тебе список невест, выбирай любую.

— Брат... я пока не хочу жениться.

— И ты еще говоришь, что не любишь мужчин!

Цзи Чжэн, молодой и горячий, не выдержал:

— Я не люблю мужчин и не собираюсь осквернять Тянь Ци. Я считаю, что иметь одного единомышленника достаточно, и если он оказался мужчиной — это не беда. К чему такой гнев?

— Неисправим.

— Брат, ты перегибаешь, — Цзи Чжэн не хотел продолжать этот спор. — Я пришел лишь просить помощи, надеюсь на твое понимание.

Цзи Хэн прищурился:

— А если я скажу «нет»?

Цзи Чжэн опустил глаза:

— Ты — Сын Неба, у тебя полно слуг, неужели тебе жалко одного? Если ты так ненавидишь подобные отношения, то, удерживая у себя симпатичного евнуха, ты вызываешь лишь лишние подозрения. Уверен, ты этого не хочешь.

Эти слова были ловушкой, чтобы заставить Цзи Хэна отпустить Тянь Ци. Но Цзи Хэн в последнее время был слишком чувствителен, и эти слова прозвучали для него иначе:

Ты называешь меня любителем мужчин? Это ты сам такой!

— Совсем распоясался! — Цзи Хэн указал на Цзи Чжэна, его пальцы дрожали от гнева. — Заблудший, упрямый, дерзкий! Смеешь спорить со старшим братом? Сегодня я прочу тебя от имени покойного отца, посмотрим, хватит ли у тебя смелости дерзить дальше! — Он крикнул в сторону дверей: — Стража!

Несколько молодых евнухов поспешно вошли в зал, повинувшись приказу. Цзи Хэн распорядился:

— Оттащите Ван Нина в Таймiao и примените к нему семейное наказание!

В храме Таймiao хранились поминальные таблички предков рода Цзи. Приказ императора означал, что Ван Нин будут сечь розгами прямо перед ликами почивших правителей.

Услышав о наказании, Цзи Чжэн не стал молить о пощаде. Напротив, он упрямо вскинул голову и хранил молчание. Вид брата лишь сильнее разгневал Цзи Хэна.

Тянь Ци, до этого не решавшаяся показаться на глаза, всё слышала, стоя за дверью. Узнав, что император собирается наказать Ван Нина, она не смогла остаться в стороне. В конце концов, всё произошло из-за неё, а Ван Нин проявил благородство, и она не могла позволить себе прослыть трусихой.

Тянь Ци выскочила из-за двери, вбежала в зал и упала на колени перед Цзи Хэном:

— Прошу, Ваше Величество, смените гнев на милость! Ван Нин ни при чём, это я сама умоляла его забрать меня с собой. Он человек мягкосердечный, вот и решился ходатайствовать перед Вами.

Цзи Чжэн изумлённо воскликнул:

— Тянь Ци, что ты такое мелешь?!

Тянь Ци незаметно подмигнула ему: молчи. Цзи Чжэн умолк, но остался настороже,

пристально наблюдая за ними, готовый в любой момент вмешаться, если возникнет угроза жизни Тянь Ци.

Цзи Хэн не двигался. Он стоял, опустив голову, и в упор смотрел на Тянь Ци, не проронив ни слова. Его лицо было мрачнее грозовой тучи, готовый вот-вот разразиться ливнем.

Евнухи, стоявшие рядом с Ван Нином, при виде такой ярости императора боялись пошевелиться и даже дышать. Каждый из них мечтал стать невидимым, лишь бы государь их не заметил.

Тянь Ци впервые видела императора в таком бешенстве. Казалось, ещё мгновение — и он разорвёт всех присутствующих на части. Она невольно вздрогнула и забормотала:

— Ва-Ва-Ваше Величество, выслушайте... позвольте мне объяснить...

Язык заплетался, а мысли в голове лихорадочно метались. Как объяснить?

Цзи Хэн продолжал буравить её взглядом, ожидая оправданий.

Тянь Ци замолчала. Она не знала, что сказать. Сгоряча взяв вину на себя, она внезапно осознала, что любое объяснение лишь усугубит положение. Император и без того подозревал её в попытках соблазнить Ван Нина, а её признание в том, что она сама навязывалась ему, лишь подтверждало подозрения. Если же сказать, что она была вынуждена — тогда в чём причина? Не нравится дворец? Не нравится сам император? Ох...

Мозг Тянь Ци опустел. Её прошиб холодный пот, лицо побледнело, губы дрожали. Она открыла рот, но не смогла издать ни звука.

— Говори, — Цзи Хэн сделал два шага вперёд, навис над ней и посмотрел сверху вниз. В его ледяном взгляде читалось глубокое разочарование. Он криво усмехнулся: — Язык проглотила?

По спине Тянь Ци пробежал холодок. Она оглянулась и ответила:

— Ваше Величество, я не смею говорить...

Нужно было тянуть время.

Цзи Хэн обернулся к остальным:

— Все вон.

Это касалось и Цзи Чжэна. Тот, хоть и беспокоился, понимал, что его присутствие вряд ли поможет Тянь Ци, поэтому был вынужден подчиниться. Выйдя, он не ушёл далеко, терзаемый

тревогой — он хотел знать результат, чтобы в случае чего успеть спасти её.

Вспоминая, как самоотверженно Тянь Ци бросилась на защиту, Цзи Чжэн чувствовал не только страх за неё, но и восхищение, в глубине души разливалось странное, сладкое чувство. Однако, вспоминая гнев брата, он недоумевал: почему император так внезапно пришёл в ярость?

Внутри зала гнев императора никуда не делся. Он готов был взорваться, нужен был лишь повод.

Тянь Ци, воспользовавшись короткой паузой, лихорадочно обдумывала план. Нельзя сказать, что её привлёк Ван Нин, проблема должна быть в дворце или в ней самой. Но нельзя и хулить императорский дворец — это было бы оскорблением императора. Оставалось лишь одно...

Тянь Ци осенило. Она вцепилась в ногу Цзи Хэна и зарыдала:

— Ваше Величество, я люблю Вас! Я тайно влюблена в Вас, я потеряла покой и сон, ни есть не могу, ни спать, всё мысли лишь о Вас!

Цзи Хэн замер, словно поражённый молнией.

Тянь Ци, не заметив, как надвигается буря, продолжала свою тираду:

— Я знаю, что Вы император, но я... я не властна над своим сердцем! Если однажды я не сдержусь и оскорблю Вас своим чувством, то моя жизнь — ничто, но как можно допустить, чтобы Вы, великий император, были осквернены таким, как я? Каждый раз, думая об этом, я прихожу в ужас, поэтому и пошла на крайние меры. Я думала, что даже если покину Дворец Цяньцин, чувства никуда не денутся, и единственный выход — уехать из дворца совсем. Вот я и умолила Ван Нина просить Вас за меня. Ван Нин тоже не хотел, чтобы императора домогался евнух, вот и согласился.

Что ж, объяснение было притянута за уши, но посыл верный. Тянь Ци надеялась, что смертной казни удастся избежать. Она осмелилась признаться в любви, заметив, что император довольно терпимо относится к подобным выходкам — вспомнить хотя бы тот случай с поцелуем.

Теперь оставалось ждать решения.

Император долго молчал. Цзи Хэн внешне сохранял невозмутимость, но внутри него бушевал ураган. Он знал, что этот маленький извращенец заглядывается на него, но услышать столь прямое и дерзкое признание... сердце неистово колотилось.

Он был человеком сдержанным, и даже наложницы выражали свои чувства лишь намёками, никогда не прибегая к столь диким методам. Но чем откровеннее и страстнее были слова, тем сильнее они заставляли краснеть. Ярость Цзи Хэна испарилась, сменившись странной

нежностью. Он не мог контролировать реакцию своего тела: пытался успокоить сердце и жар на щеках, но всё было тщетно. Поймав на себе взгляд Тянь Ци, он почувствовал себя неловко, поэтому нарочно задрал подбородок, глядя куда-то вдаль.

Тянь Ци не могла прочесть эмоции по этому красивому подбородку, поэтому набралась смелости и спросила:

— Ваше Величество, Вы простите меня?

Цзи Хэн ответил невпопад:

— Чего ревёшь? Вид ужасный.

Сказав это, он дёрнул ногой, освобождаясь от её рук, и зашагал прочь. Тянь Ци хотела что-то добавить, но внезапно ей в лицо прилетело что-то мягкое. Она поймала предмет — это был белый платок.

Тянь Ци вытерла слёзы платком и, глядя на удаляющуюся высокую фигуру, облегчённо выдохнула.

Жизнь спасена.

<http://bllate.org/book/22267/2330917>